

2000.04.008. ПЕЛЕНСКИ Я. БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ.

PELENSKI J. The contest for the legacy of Kievan Rus'. – Boulder, 1998. – XXIII, 325 p.

Книга профессора ун-та Айовы, члена Академии Наук Украины Ярослава Пеленски представляет собой собрание авторских публикаций (1967-1993) по проблеме «соперничества за наследие Киевской Руси». Вопрос о том, кто же является законным наследником Киевской Руси – русские или украинцы – представляет собой «яблоко раздора» в многовековой истории русско-украинских культурных и политических отношений. Этот спор начался еще во второй половине XI в. и достиг своей кульминации в историографических дискуссиях XIX – начала XX в., указывает автор (с.1). Сложившиеся в исторической науке концепции оказали глубокое влияние на развитие исторического сознания, национальной мифологии и национального самосознания, а также культурного взаимовосприятия двух народов.

После распада СССР, с подъемом неославянофильства и государственного национализма, наблюдается возвращение русских и украинских историков к дореволюционным концепциям, обосновывающим исключительное право их народов на древнерусское наследие. К ним присоединились и белорусские историки, в свою очередь возродившие национальную теорию преемственности в развитии Белоруссии, опирающуюся на культурное наследие Киевской Руси (с.XXI).

Я.Пеленски выделяет три «основных школы исторической интерпретации»:

1. Русская национальная концепция «однолинейного и исключительного права на наследство Киевской Руси получила свое развитие уже в конце XVIII и особенно в XIX в. в трудах таких русских историков «национально-имперской школы», как В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин, М.П.Погодин, С.М.Соловьев и В.О.Ключевский» (с.2). Опираясь на политико-правовые теории, сформулированные в Москве между 1330 и 1560 гг., эта концепция концентрируется главным образом на религиозно-церковных и историко-идеологических аспектах притязаний. Она основывается на факте переноса митрополичьей кафедры из Киева сначала во Владимир-на-Клязьме и потом в Москву, на непрерывности династии Рюриковичей и на теории передачи государственности от Киевской Руси через Суздальско-Владимирское и Московское княжества к России.

Представление о том, что Московия и, соответственно, Россия были единственными законными наследниками Киевской Руси, оказало влияние не только на русскую, но и на западную историографию. Взгляды русских историков, критиковавших эту теорию, даже таких выдаю-

щихся, как Милюков, Пресняков и Любавский, «благополучно игнорировались» (с.2).

2. Концепция однолинейного развития и исключительного права на наследие Киевской Руси, выдвинутая украинской национальной историографией в период 1840-1930-х годов и суммированная в «Истории Украины-Руси» М.Грушевского. Эта концепция предложила иную линию преемственности: через Галицко-Волынское княжество, Литовско-Русское государство и Малороссию к Украине; она опирается главным образом на «территориальные, этнодемографические, социальные и институциональные аргументы».

3. Идеологизированная советская официальная теория, которая хотя и наделила равными правами на киевское наследство три восточнославянских народа – русских, украинцев и белорусов, на деле была гораздо ближе к русской теории с ее защитой российских национальных интересов, чем к украинской. Это подчеркивалось и явным предпочтением, которое отдавалось русским исследованиям Киевской Руси.

Советская теория впервые была высказана в конце 1930-х годов и получила статус официальной доктрины в тезисах ЦК КПСС в связи с празднованием трехсотлетия воссоединения Украины с Россией в 1954 г. Согласно этому документу, русский, украинский и белорусский народы ведут свое происхождение от древнерусской народности и сформировались в XIV-XV вв., при этом русская народность сыграла ведущую роль в защите и сохранении киевской традиции (с.3).

Все же, отмечает Я.Пеленски, несмотря на серьезные различия во мнениях сторонников этих школ, все они придерживались единых представлений о природе древнерусского государства. В первую очередь подчеркивалась этническая однородность и политическое и культурное единство Киевской Руси, что и создавало почву для формирования разнообразных теорий о преемственной связи с нею трех народов.

Между тем, этот образ единой Древней Руси, усвоенный несколькими поколениями ученых, скорее отражает идеологические пристрастия авторов и переписчиков древнерусских памятников, нежели политические, культурные и этнические реалии того времени. Киевская Русь была «конгломерацией земель и городов, населенных племенами и группами, чей патриотизм был территориальным, а не национальным в современном понимании этого слова», - пишет автор (с.4). Киевская Русь представляла собой государство переходного типа, с некоторыми характерными чертами империи, но без ее структурированной основы. Сравнение ее с империей Каролингов или Священной Римской империей вряд ли уместно, поскольку в ней отсутствовали «иерархия династий» и административная надстройка.

Киевской Русью управляла династия, вскоре распавшаяся на несколько субдинастий, соперничавших друг с другом с большей жесточностью, чем с кочевниками Степи. Хотя упадок и распад Киевской Руси обычно приписывают монгольскому нашествию, все же, пишет автор, более важную роль здесь сыграли внутренние факторы, среди которых – победа вотчинно-территориальных государств и городов-государств над гетерогенными империями или протоимперскими образованиями (с.4).

Династия Рюриковичей и правящая элита Киева попыталась ввести объединяющее понятие «русская земля» и «русский народ», но с течением времени эти понятия обрели абсолютно иное значение. Понятие «Русь» стали относить к некоему культурному образованию, основанному на православной религии и ославяненной византийской культуре. Постепенно это культурное понятие выросло в идеал, которым оперировали в идеологической, политической и этнической сферах. Киев и Киевская земля, как самые богатые в этой части света, стали столицей Руси и обрели определенный престиж с точки зрения возникающих на этой обширной территории новых государственных образований. По разным причинам их элиты стали претендовать на то, что они воспринимали как законное наследство, и эти претензии в конечном счете обрели статус национальных мифов.

За право называться наследниками Киевской Руси на протяжении веков состязались несколько государственных образований: Черниговское, Владимирское и Галицко-Волынское княжества, Золотая Орда, Литва, Московское государство и Польша, и, наконец, три восточнославянских народа (с. XX).

Первая фаза соперничества между претендентами на киевское наследство, т.е. на великое княжение Киевское, длилась со второй половины XI до конца XIII в. Основными претендентами в первое время были Чернигов, Суздаль и Владимир, Смоленск и Галицко-Волынское княжество. До конца 1160-х годов соперники ставили своей целью захват Киева, контроль над прилегающими к нему территориями и восстановление традиционных отношений с другими русскими землями, существовавшими при Ярославе Мудром и Владимире Мономахе (с.5).

Рубежом в таком восприятии киевской проблемы стало разграбление Киева в 1169 г. по приказу Андрея Боголюбского. С этого времени отношение правящей элиты Владимира к Киеву становится двойственным, и в нем явственно проступает враждебность. Как указывает автор, в период формирования Владимирского княжества (1157-1263) его элита «разрывалась между необходимостью сохранять династические и исто-

рические связи с Киевской Русью и желанием принизить ее статус» (с.58).

С одной стороны, владимирские князья претендовали на киевское наследство с позиций династических связей, развивали систему идеологического оправдания своих «прав» на Киев. С другой, стремились подорвать положение Киева как столицы и религиозного центра Руси, чтобы поднять статус Владимира. С этой целью была предпринята широкая программа строительства церквей, учрежден культ иконы Владимирской Божьей Матери (взятой из Киева) и целого ряда других почитаемых икон и праздников в их честь (с.26-27).

Притязания владимирских князей сводились к тому, что Киев должен быть подчинен поднимающейся столице – Владимиру, что поможет ему получить власть над всеми землями Древней Руси. Эта позиция по отношению к киевскому наследию, пишет Я.Пеленски, стала русской традицией, независимо от меняющейся природы Русского государства.

Свою собственную идеологическую программу по отношению к Киеву и общерусскому наследию создала Галицко-Волынская династия, на полвека позже включившаяся в борьбу за Киев. Как и владимирские князья, Роман Мстиславич и Даниил Галицкий уже не были заинтересованы в том, чтобы сесть на киевский стол и править оттуда всеми русскими землями. Они предпочитали инвеституру, т.е. сажали на киевский стол малых князей или даже правителя, что способствовало дальнейшему упадку Киева в правовом и политическом отношении.

Идеологическая программа Галицко-Волынской династии отличалась от владимирской в первую очередь тем, что не старалась принизить образ Киева, подорвать его положение и заменить его Галичем, сделав из него «второй Киев». Если во Владимиро-Суздальской программе религия играла центральную роль, то Галицко-Волынская элита была более прагматична и не вовлекалась в построение идеологических религиозных оправданий, оставаясь на мирской точке зрения (с.9-10).

Заметна разница в отношениях между светской и духовной властью в двух государствах: владимирские князья агрессивно вторгались в дела церкви, сначала пытались организовать антикиевскую митрополию, а затем делая все возможное, чтобы передвинуть митрополичью кафедру из Киева на север. Что касается Галицко-Волынского княжества, то, «когда киевские митрополиты стали инструментами для возвышения московских князей, а религиозные нужды Юго-Западной Руси оказались в небрежении, – пишет Я.Пеленски, – галицкие князья просто свернули свои контакты с митрополичьей кафедрой, переведенной в Москву, и стали вести переговоры с Византией о создании митрополии Малой Руси в Галиче» (с.11).

Свои светские претензии галицкая элита обосновывала с исторической и правовой точки зрения, при этом значительную роль в системе аргументации играли понятия «Русь» и «русская земля». Эти термины в XIII – первой половине XIV в. относились к Киевским, Галицким и Волынским землям и примерно в это же время стали сближаться с возникающим географическим понятием «Украина», впервые появившемся в Ипатьевской летописи под 1187 г. Гораздо реже понятия «Русь» и «русская земля» использовались для обозначения территорий Северо-Восточной Руси, где чаще применялись термины «Суздальская земля», «Владимир», а позднее «Москва». Традиционные же термины «Русь» и «вся земля русская» были воскрешены во второй трети XV в. уже в приложении к России.

Анализируя ранний этап соперничества за киевское наследие, автор указывает, что он не является «изобретением» соперничающих русской и украинской историографий или же территориальным спором. Представление о том, что национальная легитимность основывается на наследовании киевских корней, глубоко укоренено в историческом самосознании и украинцев, и русских, хотя изначально оно не имело националистического подтекста в современном смысле. По этой причине, пишет Я.Пеленски, было бы ошибкой проецировать современные национальные интересы на историю Киевской Руси или говорить о конфликте между «народностями» в раннесредневековый период (с.13).

Киевская Русь в своей ранней истории демонстрирует все черты мультицивилизационной протоимперии, две территории которой – Владимир и Галич – пошли разными путями государственного строительства и сформировали два независимых монархических государства. Эти государства имели общее религиозное и культурное наследие и даже сходные социально-политические внутренние проблемы; их элиты продолжали поддерживать контакты. Однако они принадлежали к разным цивилизационным сообществам и находились в более тесных отношениях с соседями, чем друг с другом. Эволюция их политических систем и идеологий пошла в разных направлениях, и то, что этнический состав двух государств сильно различался, послужило основой для окончательной внутренней консолидации двух разных народов.

Показательно, что в области политики эти государства придерживались противоположных подходов в отношениях с Ордой и в вопросе об объединении церковью, инициированном Папой Иннокентием IV.

Когда исторические пути двух государств разошлись, они присоединились к двум разным цивилизационным сообществам, пишет Я.Пеленски. Географическое положение сделало владимирцев естественными торговыми партнерами сначала волжских булгар, а затем монголо-

татар. Их государство было инкорпорировано в имперскую структуру Золотой Орды и стало частью нового цивилизационного образования на берегах Волги.

Галицко-Волынское княжество составило часть центрально-европейского цивилизационного сообщества, которое включало польские территории, Венгрию, Богемию и даже Австрию и принадлежало к южному торговому комплексу. Границы этого комплекса были определены Днепром на северо-востоке и Дунаем на юго-западе с доступом к Черному морю.

Монархические модели в обоих государствах также сильно различались. В Северо-Восточной Руси концепция правления подчеркивала высшее положение великого князя, его статус основывался «на комбинации восточнославянских, византийских и позднее монголо-татарских моделей». Галиция же заимствовала свое понятие о правлении из восточнославянского концепта «князь» и европейской королевской традиции в ее венгерском и польском проявлениях (с.15).

Развитие этих государств в конечном счете привело к формированию двух отдельных народностей – северо-восточных русских и русинов центральных (киевских) и западных (галицких) территорий Руси, или проторусских и протобуковинцев.

Ответ на вопрос, кто из этих народов имел больше оснований претендовать на киевское наследство, зависит от того, какие критерии использовать. Если основываться исключительно на религиозных свидетельствах и некоторых аспектах династической политики, то предпочтение будет отдано Владимирскому княжеству. Если же принять в расчет еще и такие факторы, как территориальная преемственность, этническая принадлежность, общие социальные и институциональные традиции, династическая политика, религия и культура, то тогда Галич оказывается более легитимным преемником. Автор полагает, что Украина является главным и самым легитимным преемником Киевской Руси. Притязания России и Белоруссии являются вторичными, эти страны – «младшие культурные преемники» Древней Руси (с. XXII).

Московская теория преемственности от Киевской Руси зародилась в 1330-е годы и первоначально носила церковно-религиозный характер. Она формировалась в условиях борьбы с Галицко-Волынским княжеством и Русско-Литовским государством за право быть центром православной церкви «всей Руси» (с.64-65). Притязания светского характера были внесены в эту концепцию во второй половине XV-XVI вв., когда происходило оформление идеологии Московского царства и была создана теория «Москва – Третий Рим». Эта теория подняла вопрос о праве на киевское наследство на уровень имперской идеологии (с.127).

Украинская национальная теория исключительного права на наследие Киевской Руси создавалась украинскими идеологами и историками с XVI в. и достигла своего окончательного оформления к началу XX в. Столь позднее вызревание этой теории автор связывает с отсутствием автономного национального государства на территории Украины. Вместе с тем, указывает Я.Пеленски, ощущение своей преемственной связи с Киевской Русью было заметной составляющей украинской культуры конца XVI-XVIII вв. (с.215).

Значение споров о киевском наследстве, разгоревшихся с 1840-х годов, состоит в том, что они способствовали дальнейшей консолидации славянских народов, и потому могут рассматриваться как еще один шаг в затянувшемся процессе национального строительства, подводит итог Я.Пеленски (с.17).

О.В.Большакова